

ЭКРАН И СЦЕНА

16 мая

Анатолий
СМЕЛЯНСКИЙ

Век Булгакова

Михаилу Булгакову исполняется сто лет. Все острее наше желание узнать что-то новое о жизни Мастера, понять, каким образом художник сохранил душу живую в самых невероятных условиях. Среди наиболее заметных публикаций юбилейного года — книги дневников Елены Сергеевны Булгаковой. Много десятилетий они хранились в архиве, к ним не подпускали даже исследователей. И вот наконец дневники открыты для читающей публики.

Эту летопись «трудов и дней» Елена Сергеевна начала вести в сентябре 1933 года, когда ее браку с Михаилом Булгаковым исполнился год. Сам писатель после того, как 7 мая 1926 года у него агентами ГПУ был изъят дневник, больше к этому столь необходимому для литератора жанру не обращался. Тем важнее все то, что занесла на домашние скрижали его верная и безраздельно преданная ему спутница.

В дневнике поражает прежде всего абсолютная расторопность женщины в том, кого она любит. Понимаешь, почему только в «Мастере и Маргарите» Булгаков начал описывать это великое чувство (видимо, до встречи с Еленой Сергеевной автор «Белой гвардии» настоящей любви не знал). Дневник ведется по следам каждого дня, точно, бесстрашно, по-женски элегантно. Фиксируются хроники событий, заносится сор житейских мелочей и подробностей. Жена писателя и приятельница Ахматовой как будто знает, что из этого «сора» в конце концов вырастет образ вре-

мени, та почва, которая потом многое объяснит в искусстве Булгакова и в том, «как это было на земле».

Театральная тема пронизывает дневник насквозь. Как и многое остальное, она окрашена трагически. «Как будто стреляю из загнутаго ружья», — вспомнит шутку Булгакова один из мхатовских друзей. Краткие и выразительные портреты близких литераторов, актеров, художников, но так же врагов, стукачей, злопыхателей — все это схвачено верной и талантливой рукой. Без дневника нельзя понять ни того, чего стоили Булгакову репетиции «Мольера», ни того, как создавалась его последняя пьеса о Сталине. Дневник отмечает все стадии работы над «закатным романом», передает реакции на него первых современных Булгакову слушателей. Наконец, дневник фиксирует по часам и минутам «последние дни» Булгакова, его болезнь и чудовищно раннюю смерть. Почти нигде, за редчайшим исключением, Елена Булгакова не впадает в тон обличения или, того хуже, в истерику. Она хорошо знала пьесу о Мольере и то, как изобразил Булгаков «регистр» труппы Лагранжа. Она ведет дневник в этом суровом и ясном стиле, стремится передать только факты, только то, что было сделано или сказано. Она знает, что судить и плакать над этими страницами будут потомки.

Книга вышла. Дадим читателю возможность в эти булгаковские дни прикоснуться к некоторым записям уникального дневника (№ 9-я страницы).